

УДК 2-1:316.77:004.738.5

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-8

Беляев Д. А.¹,
Гретченко, Е. И.²**Конструирование «сетевой сакральности»: философский анализ
цифрового религиозного опыта**

¹Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020, Россия;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
dm.a.belyaev@gmail.com

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
79102228977@ya.ru

Аннотация. Цифровая медиасреда радикально перестраивает формы религиозной жизни: интернет-платформы становятся самостоятельной средой, в которой конституируется специфическая конфигурация священного. Проблема настоящего исследования заключается в философско-религиоведческом описании того, как в сетевых взаимодействиях возникают новые режимы сакральности, размывающие классическое различие сакрального и профанного, телесного и виртуального, индивидуального и коллективного. Актуальность темы обусловлена ростом онлайн-практик (трансляции богослужений, молитвенные чаты, цифровые артефакты, VR-пространства), а также усилением алгоритмической медиации религиозного опыта. Новизна подхода состоит в концептуализации феномена «сетевой сакральности» как аналитической категории, фиксирующей диффузное, динамическое и коллективно конструируемое бытование священного в цифровой культуре. На основе философского анализа и сравнительного сопоставления офлайн- и онлайн-форм религиозности выявлены ключевые механизмы сетевой сакрализации: включение сакральных смыслов в повседневные потоки коммуникации; виртуализация присутствия и формирование «цифрового воплощения» через аккаунты и аватары; трансформация структуры общины и смещение религиозного авторитета в сторону сетевых горизонтальных связей и персонализированных «лоскутных» стратегий веры. Делается вывод о расширении онтологии сакрального в цифровую эпоху и о необходимости пересмотра ряда базовых категорий философии религии (иерофании, ритуала, аутентичности, общинности) с учетом медиатизированных форм религиозного опыта.

Ключевые слова: цифровая религия; сетевая сакральность; медиатизация религии; виртуализация ритуала; цифровое присутствие; сетевые сообщества; религиозный авторитет

Для цитирования: Беляев, Д. А. и Гретченко, Е. И. (2026), «Конструирование “сетевой сакральности”: философский анализ цифрового религиозного опыта», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 88-99. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-8

D. A. Belyaev¹,
E. I. Gretchenko²

**Constructing “network sacrality”: a philosophical analysis
of digital religious experience**

¹Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University,
42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia;
Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
dm.a.belyaev@gmail.com

²Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
79102228977@ya.ru

Abstract. The digital media environment is radically reshaping forms of religious life: Internet platforms are becoming an independent environment in which a specific configuration of the sacred is being constituted. The article offers a philosophical and religious-studies account of how “network sacrality” emerges from networked interactions and blurs classical oppositions between sacred and profane, bodily and virtual, individual and collective. The relevance of the topic is driven by the spread of online practices (livestreamed services, prayer chats, digital devotional artefacts, VR spaces) and by the growing role of algorithmic mediation in shaping what believers encounter as sacred. The novelty of the approach lies in conceptualizing “network sacrality” as an analytical category that captures the diffuse, dynamic, and collectively constructed modes of the sacred in digital culture. Using philosophical analysis and a comparative perspective on offline and online religiosity, the study identifies three mechanisms of network sacralization: (1) embedding religious meanings into everyday communicative flows; (2) virtualization of presence and “digital embodiment” via accounts and avatars; (3) reconfiguration of community and authority toward horizontal networks and personalized, “patchwork” spiritual strategies. The article concludes that the ontology of the sacred is expanded in the digital era and that core categories of the philosophy of religion (hierophany, ritual efficacy, authenticity, communal belonging) require reconsideration under conditions of mediatized religious experience.

Keywords: digital religion; network sacrality; mediatization of religion; virtual ritual; digital presence; networked communities; religious authority

For citation: Belyaev, D. A. and Gretchenko, E. I. (2026), “Constructing ‘network sacrality’: a philosophical analysis of dig 88-99. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-0-8

Введение

Современная цифровая среда радикально трансформирует ландшафт религиозного опыта. Интернет и связанные с ним технологии перестали быть лишь утилитарным каналом для транслирования религиозной информации – они становятся самостоятельным пространством, где конституируется особый феномен сакрального. Если классическая феноменология религии разводила сакральное и профанное по разным сферам бытия, связывая священное с выделенными святынями, особыми местами и временем праздников (Элиаде, 1994), то в цифровую эпоху это разграничение размывается. Религиозные практики

вплетаются в повседневную онлайн-коммуникацию, а сакральное содержание появляется там, где прежде доминировал профанный текст – на экранах компьютеров и смартфонов, в социальных сетях и виртуальных мирах. Цифровая среда не только воспроизводит традиционные формы религиозности в новом формате, но и переопределяет сакральное, создавая феномен, который можно назвать «сетевой сакральностью». Под этим понимается такая форма священного, которая возникает и функционирует внутри сетевых (онлайн) взаимодействий.

В статье предпринимается попытка целостного философско-религиоведческого анализа феномена сетевой сакральности. Цель – показать, каким образом цифровая среда переопределяет категорию сакрального и трансформирует традиционные формы религиозного опыта. Для этого последовательно рассматриваются: 1) размывание границы между священным и мирским в онлайн-пространстве; 2) трансформация телесности и присутствия в цифровой религиозной практике; 3) изменение природы религиозной коммуникации, общности и авторитета в условиях сетевой культуры. Опираясь на современные отечественные и зарубежные исследования, мы прослеживаем, как возникает новая символическая реальность и какие теоретические вызовы она ставит перед философией и религиоведением, выявляем различия и сходства между традиционными и цифровыми формами сакральности. Наш анализ проводится преимущественно на материале христианской практики.

Цифровое пространство как новое сакральное измерение

Сегодня медиа формируют новую «реальность» религии и выступают активным фактором, который фундаментально трансформирует онтологию и феноменологию религиозных смыслов. Традиционная религиозность основывалась на разделении пространства и времени: мирское повседневное противопоставлено в ней особым *сакральным пространствам* (храм, святое место) и *сакральному времени* (литургический календарь, праздничные дни). С появлением интернета возникла возможность переноса религиозной активности в повседневное цифровое пространство, что стирает прежнюю оппозицию. Онлайн-среда выступает одновременно и как продолжение профанного мира, и как новая площадка для сакрального. Как отмечается исследователями, религия в интернете проявляется в *гибридных формах*, сочетающих будничное и священное (Нимяев, 2022). Например, на веб-форумах верующие обмениваются молитвенными просьбами наряду с бытовыми разговорами; в социальных сетях соседствуют новости о праздниках и светские новости. Сакральное начинает «циркулировать» в цифровой коммуникации: оно вплетается в потоки информации, мемов, изображений, переставая быть строго отделенным от обыденности.

По выражению М. Сбарделотто, в новых условиях «Слово становится сетью», и священное распространяется через интернет благодаря бесчисленным актам смыслообразования, совершаемым самими пользователями (Sbardelotto, 2016: 233-234). Иными словами, цифровая коммуникация вовлекает религиозный контент в постоянное движение и переосмысление – то, что Ст. Хьярвард назвал банализацией религии в медиасреде (Hjarvard, 2008: 15). Согласно его теории медиатизации, средства массовой информации становятся главными агентами трансляции религиозных идей, подстраивая их под логику популярных жанров и повседневную культуру. В результате массовое сознание привыкает к присутствию элементов сверхъестественного в обычных медиа (фильмах, играх, новостях) и происходит размывание сакрального, его смешение с профанным в общем информационном поле (Lövhelm and Hjarvard, 2019).

Однако параллельно наблюдается и встречный процесс: сами верующие освящают новое пространство – киберпространство – через свои практики. Исследования конца 1990-х впервые заговорили о «сакральном пространстве» киберсреды. Так, С. О’Лири показал, что интернет может выполнять роль храма для онлайн-конгрегаций (O’Leary, 1996). Неопаганская

община «технопаганцев», анализируемая О’Лири, проводила коллективные ритуалы исключительно в виртуальном мире, превращая интернет-площадку в место проявления священного. Хотя многие скептики тогда не верили, что «неорганическое» виртуальное пространство может обладать сакральностью, факты свидетельствовали об обратном. Посредством *декларативных и перформативных актов* – молитв и совместных онлайн-медитаций – участники действительно переживали ощущение присутствия святого. Тем самым была заложена основа феномена, который мы называем сетевой сакральностью: когда интернет-платформа превращается в условно «освященное» пространство, наполненное символами веры и ощущаемое верующими как особая реальность. Д.А. Зайцев, исследуя радикальные религиозные онлайн-сообщества, отмечает, что здесь формируется качественно новая форма религиозности, где привычные категории бытия, пространства и времени претерпевают радикальную трансформацию (Зайцев, 2025: 65-66). В случае религиозных VK-групп платформа не просто служит средством коммуникации – она конструирует особую онтологическую реальность, в которой алгоритмы социальных сетей формируют для участников новую «религиозную реальность» (Беляева, 2025; Müller and Friemel, 2024). Сакральное в таком цифровом контексте уже не привязано жестко к храму или священной географии – оно возникает во взаимодействии человека с кодом и контентом. Алгоритмы выдачи новостей, поисковые системы и т. п. начинают опосредовать религиозный опыт, выступая невидимыми «кураторами» сакрального: например, решая, какие проповеди или цитаты из Писания увидит пользователь в своей ленте. Подобная алгоритмическая медиация тоже становится частью сетевой сакральности.

В условиях цифровых интерфейсов подлинность сакрального акта перестает определяться исключительно формальным соответствием канону или физическим присутствием в сакральном пространстве. На первый план выдвигаются субъективно-эмпирические показатели: интенсивность личного переживания и глубина психологической вовлеченности верующего, что позволяет рассматривать интерфейс как легитимный проводник священного. Важным следствием виртуализации религии становится диффузный характер сакрального. В сетевой среде священное утрачивает свою пространственную изоляцию, становясь частью повседневного информационного потока, генерируемого тем же технологическим устройством, которое служит для профанных целей. Эта диффузность, с одной стороны, ведет к размыванию границ между сакральным и профанным, а с другой – способствует эрозии институционального контроля. В итоге цифровая среда эмансипирует верующего субъекта, предоставляя ему инструменты для самостоятельного конструирования индивидуальной религиозности. Ослабление диктата официальных институтов приводит к расцвету персонализированных духовных стратегий, где сетевая сакральность становится результатом свободного творческого синтеза традиции и технологических возможностей медиасреды (Гузельбаева, 2024).

В философском же плане здесь возникает вопрос о символической реальности: виртуальное сакральное существует преимущественно как символы и тексты (цифровые изображения, звуки, слова), не подкрепленные материальными артефактами традиционного культа. Тем не менее, эти цифровые символы способны вызывать у верующих подлинное благоговение и чувство сопричастности святыне. Онлайн-икона на экране может восприниматься почти так же, как икона в храме; молитва в чате – как не менее действенная, чем молитва вслух. Происходит своего рода *виртуализация священного*: его перенос в пространство знаков и информации. Эта виртуализация не устраняет сакральное, а переоформляет его – как сказано выше, делает «текучим» и гибким по содержанию. Соответственно, сакральное уже не дано раз и навсегда в определенных догматических или обрядовых формах – оно может выявляться в новых контекстах, порой далеких от канона, если сообщество верующих наделяет эти контексты смыслом святости.

Виртуализация присутствия и «цифровое воплощение»

Другая грань трансформации религиозного опыта в цифровую эпоху связана с изменением понятия телесности и присутствия. Традиционные религиозные обряды требуют физического соучастия: собрания верующих в одном месте, телесного совершения ритуальных жестов, использования материальных священных предметов. В виртуальной же среде многие из этих компонентов меняются. Участники онлайн-ритуалов могут быть разобщены географически, присутствуя лишь через аватары или профили; их взаимодействие опосредовано экраном, текстом, аудио- и видеосвязью. Возникает феномен «расширенного присутствия»: верующий человек одновременно телесно находится у себя дома, а виртуально – в общем киберпространстве с другими участниками обряда (Dein and Watts, 2023: 195-196). Можно говорить об эффекте «цифрового воплощения», когда религиозная общность и личность проявляют себя не только в физическом теле, но и через цифровой аватар или аккаунт, служащий как бы вторым «телом» в виртуальном мире.

Эта утрата единого местонахождения верующих вызвала дискуссии об аутентичности ритуалов. Например, в христианстве долго обсуждалась допустимость онлайн-литургии и особенно евхаристии через интернет (Лученко, 2021: 41-43). Многие традиционалисты утверждали, что таинство причастия не может быть совершено удаленно, без телесного собрания общины и священнослужителя. Другие, напротив, искали способы виртуального причастия (Черничкин, 2021: 58-60). Эта дискуссия высветила ключевую проблему: насколько *виртуальное присутствие* может замещать физическое в деле приобщения к святыне. По сути, спор шел о том, может ли виртуальное сакральное считаться равнозначным материальному.

Практика показала, что для многих верующих участие в богослужении через экран может быть глубоко значимым. В период ковидных карантин 2020 г. миллионы людей по всему миру молились и пели вместе со своими общинами посредством онлайн-трансляций, ощущая единство Церкви даже при отсутствии физического контакта (Kgatle, 2020). В глазах этих участников *интернет стал «сакраментальным» пространством*, способным быть носителем Божьего присутствия. Как отметила Х. Кэмпбелл, цифровое пространство может восприниматься верующими как «место, отделенное для святого употребления, часть их религиозной жизни» (Campbell, 2025: 73). Религиозные общины адаптировали обряды: появились виртуальные молитвенные группы, службы в Zoom, исповеди через специальные приложения (Ben-Lulu, 2021: 861-863). Конечно, сохраняются ограничения – многие таинства требуют *материальной* составляющей (вода крещения, хлеб и вино евхаристии), и здесь церкви зачастую идут по пути сочетания онлайн- и офлайн-элементов. Тем не менее, сам факт, что значительная часть религиозной жизни переместилась в цифровую сферу, указывает на формирование нового понимания телесности и реальности обряда. Можно говорить о двойственном статусе виртуального ритуала: он реально переживается участниками (в эмоциональном и духовном плане), но при этом осознается как частично символический, условный. Эта двойственность снимается на уровне *веры*: если участники убеждены в действенности онлайн-ритуала, он для них становится не менее реальным, чем традиционный. Думается, вопрос об «аутентичности» виртуального обряда следует решать с позиции самих верующих: если религиозная аудитория принимает онлайн-практику как легитимную, значит, для нее она является подлинным религиозным опытом. Этот эмпирический критерий показывает, что границы между реальным и мнимым присутствием в опыте веры подвижны.

Философски важным следствием виртуализации является разрыв жесткой связи сакрального с конкретным местом и временем. Священное время в цифровой религиозности тоже меняет характер: онлайн-ритуалы могут происходить вне привычного расписания, часто – непрерывно. Например, круглосуточные молитвенные чаты или трансляции из святых мест позволяют верующим подключаться к общему действу в любое время, по

индивидуальному графику. Так размывается единый ритм литургической жизни общины; каждый участник как бы конструирует свою собственную «духовную хронологию». С одной стороны, это риск фрагментации общности, а с другой – появление *персонализированного священного времени*, адаптированного под жизнь человека.

Аналогично и со священным пространством: теперь не только храм может восприниматься как священное место, но и комната верующего во время подключения к богослужению становится священным пространством. География сакрального децентрализуется – вместо одного центра святости (храма) возникает сеть многих мелких «домашних алтарей» перед экранами. В то же время через интернет происходит и обратное: реконструкция единого сакрального пространства в виртуальной форме. Примером служат виртуальные миры, где воссозданы храмы или святыни и где пользователи могут совместно присутствовать аватарами (Mansour, 2022). Такая «*цифровая литургия*» позволяет людям, физически разбросанным по миру, оказаться вместе в одном символическом храме онлайн и совершать объединенный обряд. Здесь мы видим, как виртуальность порождает новую *цифровую телесность*, где тело верующего представлено его виртуальным образом. Человек действует через интерфейс, однако его активности все равно воспринимаются как реальные внутри данного пространства. Многие отмечают эффект полного погружения: например, надев VR-гарнитуру, человек на интуитивном уровне ощущает себя «стоящим в храме» и поющим вместе со всеми – несмотря на понимание иллюзорности картинки (Tran, Davies, 2023). Соответственно, граница между физическим телом и цифровым интерфейсом размывается.

Эта способность технологий создавать убедительное ощущение присутствия открывает пути для дальнейшей *эмпатической вовлеченности* в онлайн-ритуалы. Виртуализация разрывает связь сакрального с конкретным «здесь и сейчас», превращая религиозный опыт в персональный сетевой процесс, реализуемый через цифровую телесность и иммерсивное присутствие.

Безусловно, виртуализация несет и риски обесценивания тела. Некоторые богословы указывают, что христианство по сути – религия воплощения, и удаление телесности из религиозности может привести к утрате глубинного смысла общности и таинств. Однако, на наш взгляд, более продуктивно видеть здесь не отрицание тела, а расширение понятия телесности. Человек в сети по-прежнему действует как телесное существо, просто его тело воздействует на других опосредованно, через цифровой канал. Можно сказать, что возникает медиателесность, когда материальное и виртуальное тело дополняют друг друга. Философия медиа указывает, что технологии коммуникации всегда расширяли человеческое тело, а интернет можно интерпретировать в качестве продолжения социального «тела» общины, позволяющего ему присутствовать сверх границ пространства. Цифровая трансформация религиозного опыта приводит к возникновению феномена «расширенного присутствия», который снимает классическую оппозицию между физическим и виртуальным. Ключевым сдвигом становится переход от институционально-материальных критериев подлинности ритуала к субъективно-эмпирическим. Таким образом, сетевая сакральность не упраздняет физическое, а создает новую диалектику телесного и виртуального, которая обогащает религиозный опыт, но и требует переосмысления ряда традиционных теологических категорий.

Сетевая общность и смещение религиозного авторитета

Третье ключевое измерение цифровой трансформации религии – это изменение характера религиозной коммуникации и структуры общин. Интернет изначально проектировался как сеть равноправных узлов, и эта сетевая логика переносится и на религиозную сферу. Если прежние модели религиозной общности были во многом

иерархичны и локализованы, то онлайн-пространство способствует более горизонтальным и разомкнутым связям.

Появляются виртуальные общины верующих, зачастую не привязанные к конфессии или месту. Эти сетевые общности формируются по принципу *самоидентификации* участников, а не по официальному членству. Социологи религии заговорили о феномене «сетевой религии», где связи опираются на личные сети коммуникации, а не на институты. Х. Кэмпбелл, введшая этот концепт, выделила несколько характерных черт сетевой религии: во-первых, сетевое сообщество (верующие объединяются через цифровые сети, образуя распределенную общину); во-вторых, нарративная идентичность (личность конструирует свою религиозную идентичность, рассказывая о себе в соцсетях, блогах и т. д.); в-третьих, смещенный авторитет (традиционные лидеры теряют монополию на истину, возрастает роль мнения «равных» участников); в-четвертых, конвергентная практика (разные религиозные активности – молитва, изучение текстов, проповедь – сходятся вместе в мультимедийной онлайн-среде); и в-пятых, множественность пространств (одновременная вовлеченность верующего в офлайн- и онлайн-измерения) (Campbell, 2025). Все эти характеристики указывают на слом прежних границ между индивидуальной и коллективной религиозностью. Сетевая община устроена более как *совокупность индивидов*, каждый из которых сам выбирает степень и форму участия, нежели как строго организованное целое. В ней легко сосуществуют разные уровни вовлеченности и разные интерпретации вероучения – то, что П. Бергер называл «плавающими мирами» в эпоху плюрализации (Бергер, 2019). Онлайн-формат облегчает индивидуализацию веры: человек может следовать именно тем аспектам религии, которые близки лично ему, находя единомышленников по всему миру. Возникает так называемая «*лоскутная религиозность*», когда индивидуальный духовный путь складывается из элементов разных традиций и практик, почерпнутых в сети (Lövhelm and Hjarvard, 2019). Е.И. Гришаева и А.Г. Бусыгин справедливо отмечают, что в интернет-сообществах идентичность становится «текучей» и множественной (Гришаева и Бусыгин, 2020). Верующий может одновременно принадлежать к разным цифровым группам, конструируя свою «индивидуальную карту» сакрального. Соответственно, цифровая эпоха замещает локальную иерархическую общину глобальной горизонтальной сетью, в которой авторитет децентрализован, а верующий получает право на «лоскутное» конструирование собственной духовности.

При этом само понятие *коллективного сакрального опыта* изменяется. Если раньше кульминацией совместного переживания священного была, например, литургия в храме, то в онлайн-общине переживание общего часто складывается *дискретно*. Коллективность выражается не в физической синхронности, а в коммуникационной связанности: верующие чувствуют себя частью группы через постоянное общение, обмен контентом, взаимную поддержку в чате или форуме. Даже если они не находятся вместе тут и сейчас, их объединяет непрерывный информационный поток. Таким образом, коллективное сакральное смещается с уровня совместного действия на уровень совместного информационного поля и символического обмена. Например, участники большого религиозного VK-сообщества могут никогда не молиться *одновременно*, но ощущение единства у них поддерживается ежедневным чтением постов друг друга, комментариями, участием в общих онлайн-проектах. Это новый тип религиозной общности – рассеянная, но связанная. Она вписывается в теорию сетевого общества М. Кастельса, по которой социальная структура смещается от локальных групп к сетям, где узлы соединены потоками информации (Кастельс, 2000).

Одним из наиболее значимых последствий этих процессов является изменение религиозного авторитета. В сетевой коммуникации стирается четкая граница между «экспертом» и «обычным участником». Любой верующий получает платформу для высказывания своих взглядов, и это снижает монополию официальных лидеров мнений

(священников, богословов) на интерпретацию доктрины. Исследование католического онлайн-дискурса показало, что в соцсетях миряне активно полемизируют даже с Ватиканом, публично оспаривая решения и требуя реакции Церкви (Giorgi, 2019). Границы между клиром и паствой в сети размываются – рождается феномен, который Сбарделотто называет «медиатически эмансипированным мирянином», обладающим «обыденной экспертизой» за счет повседневного духовного опыта онлайн (Sbardelotto, 2016: 242). Эти активные верующие в интернете сами создают богословские смыслы, фактически формируя своего рода народное онлайн-богословие. Сеть дает им «право голоса», которого не было в традиционных иерархиях: теперь миряне могут публично выражать несогласие, предлагать альтернативные трактовки и объединяться в группы по интересам, требуя внимания официальной Церкви (Selby and Sayeed, 2023). Так осуществляется своего рода демократизация сакрального – общество (через сеть) начинает само активно участвовать в конструировании религиозного дискурса, не дожидаясь указаний «сверху». Сакральное знание превращается в децентрализованный проект, открытый для со-созидания множеством участников.

Конечно, институциональные религиозные структуры по-прежнему сохраняют влияние, но им приходится считаться с этим новым ландшафтом. Очевидно, что мы видим *конфликт авторитетов*: традиционные «стражи» веры сталкиваются с конкуренцией со стороны харизматичных блогеров-проповедников, лидеров мнений в религиозных онлайн-сообществах. Например, популярный сетевой проповедник может иметь больше аудитории, чем приходской священник. Это не обязательно разрушает Церковь, но заставляет ее переосмыслить свою коммуникационную политику и роль. Многие церкви стараются освоить новые площадки – заводят официальные аккаунты, взаимодействуют с паствой онлайн, признавая ценность этого канала. Однако сам факт, что харизма и авторитет больше не привязаны к должности, а зависят от медийного присутствия и умения коммуницировать, – серьезный сдвиг в социологии сакрального.

Важно подчеркнуть, что сетевая сакральность не существует в отрыве от традиционной религиозности. Напротив, онлайн-формы обычно переплетены с офлайн-контекстом. Верующие, участвующие в цифровых практиках, зачастую параллельно принадлежат реальным общинам и черпают ценности из своей культуры. Поэтому речь не идет о рождении какой-то совершенно новой религии «в компьютере» – скорее, происходит расширение религиозного поля, включающее оба измерения. Однако внутри этого расширенного поля меняются акценты: возрастает роль *личного выбора* и *творчества* в вере, усиливается разнообразие и конкуренция смыслов, религия становится более публично обсуждаемой и видимой. Все это формирует новую общественную реальность, где священное присутствует более диффузно и вне традиционного контроля. Хьярвард говорил о медиатизированной религии, которая функционирует по законам медиа (Hjarvard, 2008). Можно добавить, что в эпоху соцсетей формируется и своеобразная «религия медийного общества», когда духовные нужды людей нередко удовлетворяются вне институтов – через VK-проповеди, «виртуальные храмы» и т. п. Все это указывает на то, что сакральное в сети – свершившийся факт.

Заключение

Цифровая среда выступает сегодня не просто новым инструментом коммуникации для религии, но и новой средой бытования сакрального. В процессе конституирования «сетевой сакральности» мы наблюдаем глубинные сдвиги: стирается прежняя четкая граница между священным и мирским; меняется понимание присутствия; трансформируется природа религиозных сообществ. Сакральное уже не локализовано в особых местах и не монополизировано институциями – оно «течет» через сети, проявляется во взаимодействиях, конструируется коллективно и динамично. Происходит размывание границ между профанным

и священным, телесным и виртуальным, индивидуальным и коллективным в онлайн-опыте верующих.

Для философии религии и религиоведения это означает, что прежние концепции сакрального, разработанные на материале традиционных обществ, нуждаются в обновлении с учетом феномена виртуальности. Требуется осмыслить, например, что значит иерофания в цифровом мире? Как понимать ритуал в условиях отсутствия единого пространства-времени – возможно ли говорить об онтологической действительности онлайн-обрядов или это лишь «театральность»? Как меняется роль религиозного опыта? Эти вопросы открывают широкий простор для дальнейших исследований.

Новизна феномена сетевой сакральности состоит в том, что священное перестает быть «особым островом» реальности, а пронизывает сетевое общество подобно тому, как информация пронизывает все сферы жизни. С философской точки зрения можно сказать, что в цифровую эпоху происходит *расширение онтологии сакрального*: оно обретает «второе измерение» бытия – сетевое, виртуальное, но реально влияющее на сознание и практики людей. Этот синтез виртуального и реального в религии ведет к формированию новой символической реальности, где границы между телесным и духовным, частным и общим постоянно пересматриваются участниками коммуникации.

В целом, сетевая сакральность – это не отказ от традиционного священного, а его неизбежная эволюция в эпоху цифровой глобализации. Она сохраняет преемственность с прошлыми формами, но выражает их новыми способами. Сетевая сакральность выступает в качестве амбивалентного феномена, в котором потенциал для духовной эволюции сосуществует с рисками девальвации священного и утраты аутентичности опыта. На наш взгляд, стратегической задачей остается поиск баланса между технологическими инновациями и сохранением экзистенциальной глубины, подлинности и живого диалога, что является необходимым условием устойчивого развития религиозной жизни сегодня.

Литература

Беляева, У. П. (2025), «Религиозное знание в эпоху нейросетевой дискурсивности», *Традиции и инновации в пространстве современной культуры*, ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, 15-21.

Бергер, П. (2019), *Священная завеса: Элементы социологической теории религии*, пер. с англ. Сафронова, Р., Новое литературное обозрение, Москва.

Гришаева, Е. И. и Бусыгин, А. Г. (2020), «Интернет в православном приходе: особенности взаимодействия православных пользователей с интернет-технологиями», *Научный результат. Социология и управление*, 6(1), 3-15. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-1; EDN: GGGBAN

Гузельбаева, Г. Я. (2024), «Цифровизация религиозной сферы, доверие духовным лидерам и отношение к религиозным организациям на фоне постпандемии: взгляд молодежи», *Историческая этнология*, 9(4), 620-637. DOI: 10.22378/he.2024-9-4.620-637; EDN: NMGONK

Зайцев, Д. А. (2025), «Цифровая сакральность: философский анализ онтологии джихадистских Telegram-сообществ», *Вестник Челябинского государственного университета*, 8(502), 62-67. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-502-8-62-67

Кастельс, М. (2000), *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*, пер. с англ.; под науч. ред. Шкаратана, О. И., ГУ ВШЭ, Москва.

Лученко, К. В. (2021), «Цифровизация богослужебных практик в период пандемии коронавируса в контексте медиатизации православия», *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 39(1), 39-57. DOI: 10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57; EDN: PMXHUB

Нимяев, Э. А. (2022), «Исследование цифровой религии: классификация религиозных онлайн-ресурсов», *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*, 3, 220-229. DOI: 10.35231/18186653_2022_3_220

Черничкин, Д. А. (2021), «Трансформация религиозной коммуникации под влиянием пандемии COVID-19», *Logos et Praxis*, 20(2), 56-64. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.2.7; EDN: HYSXSE

Элиаде, М. (1994), *Священное и мирское*, пер. с фр., предисл. и коммент. Гарбовского, Н. К., Изд-во МГУ, Москва.

Ben-Lulu, E. (2021), “Zooming in and Out of Virtual Jewish Prayer Services During the COVID-19 Pandemic”, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 60(4), 852-870. DOI: 10.1111/jssr.12746

Campbell, H. A. (2025), “Digital Religion as the Networked Spiritual Infrastructure of Our Religious Futures”, *Redefining Spiritual Spaces in the Age of Technology: Innovations and Pitfalls*, in Guenther, S. K., Li, X. and Scheidt, M. A. (eds), Springer, Cham, 67-80. DOI: 10.1007/978-3-031-93436-0_5

Dein, S. and Watts, F. (2023), “Religious Worship Online: A Qualitative Study of Two Sunday Virtual Services”, *Archive for the Psychology of Religion*, 45(2), 191-209. DOI: 10.1177/00846724221145348

Giorgi, A. (2019), “Mediatized Catholicism – Minority Voices and Religious Authority in the Digital Sphere”, *Religions*, 10(8), Art. 463. DOI: 10.3390/rel10080463

Hjarvard, S. (2008), “The mediatization of religion: a theory of the media as agents of religious change”, *Northern Lights: Film & Media Studies Yearbook*, 6(1), 9-26. DOI: 10.1386/nl.6.1.9_1

Kgatle, M. S. (2020), “Religious live-streaming in response to coronavirus disease 2019 pandemic and the subsequent lockdown in South Africa”, *Verbum et Ecclesia*, 41(1), Art. a2120. DOI: 10.4102/ve.v41i1.2120

Lövheim, M. and Hjarvard, S. (2019), “The Mediatized Conditions of Contemporary Religion: Critical Status and Future Directions”, *Journal of Religion, Media and Digital Culture*, 8(2), 206-225. DOI: 10.1163/21659214-00802002

Mansour, N. (2022), “The Holy Light of Cyberspace: Spiritual Experience in a Virtual Church”, *Religions*, 13(2), Art. 121. DOI: 10.3390/rel13020121

Müller, J. and Friemel, T. N. (2024), “Dynamics of Digital Media Use in Religious Communities – A Theoretical Model”, *Religions*, 15(7), Art. 762. DOI: 10.3390/rel15070762

O’Leary, S. D. (1996), “Cyberspace as Sacred Space: Communicating Religion on Computer Networks”, *Journal of the American Academy of Religion*, 64(4), 781-808. DOI: 10.1093/jaarel/LXIV.4.781

Sbardelotto, M. (2016), “‘And the Word Became Network’: An Analysis of the Circulation of the ‘Catholic’ in Online Communicational Networks”, *Online – Heidelberg Journal of Religions on the Internet*, 11, 229-253. DOI: 10.17885/heiu.rel.2016.0.23633

Selby, J. A. and Sayeed, R. (2023), “Religious Authorities in the Digital Age: The Case of Muslims in Canada”, *Contemporary Islam*, 17(3), 467-488. DOI: 10.1007/s11562-023-00536-7

Tran, M. K. and Davies, A. (2023), “Revisiting Benjamin’s Aura in the Age of Mediatization: Virtual Religious Consumption in the (Post-)Pandemic Era”, *Journal of Marketing Management*, 39(17-18), 1765-1799. DOI: 10.1080/0267257X.2023.2289369

References

Ben-Lulu, E. (2021), “Zooming in and Out of Virtual Jewish Prayer Services During the COVID-19 Pandemic”, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 60(4), 852-870. DOI: 10.1111/jssr.12746

Berger, P. (2019), *Svyashchennaya zavesa: elementy sotsiologicheskoy teorii religii* [The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Belyaeva, U. P. (2025), “Religious knowledge in the era of neural network discursivity”, *Traditsii i innovatsii v prostranstve sovremennoy kultury* [Traditions and innovations in the space of modern culture], Publishing House of Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia, 15-21 (in Russ.).

Campbell, H. A. (2025), “Digital Religion as the Networked Spiritual Infrastructure of Our Religious Futures”, *Redefining Spiritual Spaces in the Age of Technology: Innovations and Pitfalls*, in Guenther, S. K., Li, X. and Scheidt, M. A. (eds), Springer, Cham, Switzerland, 67-80. DOI: 10.1007/978-3-031-93436-0_5

Castells, M. (2000), *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture], Higher School of Economics Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Chernichkin, D. A. (2021), “Transformation of religious communication under the influence of the COVID-19 pandemic”, *Logos et Praxis*, 20(2), 56-64 (in Russ.). DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2021.2.7; EDN: HYXSHE

Dein, S. and Watts, F. (2023), “Religious Worship Online: A Qualitative Study of Two Sunday Virtual Services”, *Archive for the Psychology of Religion*, 45(2), 191-209. DOI: 10.1177/00846724221145348

- Eliade, M. (1994), *Svyashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Profane], Moscow State University Press, Moscow, Russia (in Russ.).
- Giorgi, A. (2019) “Mediatized Catholicism – Minority Voices and Religious Authority in the Digital Sphere”, *Religions*, 10(8), Art. 463. DOI: 10.3390/rel10080463
- Grishaeva, E. I. and Busygin, A. G. (2020), “The Internet in the Orthodox parish: peculiarities of interaction of Orthodox users and Internet technologies”, *Research Result. Sociology and Management*, 6(1), 3-15 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-1; EDN: GGGBAH
- Guzelbaeva, G. Ya. (2024), “Digitalization of the religious domain, trust in spiritual leaders and attitudes towards religious organizations in the post-pandemic context: a youth perspective”, *Historical Ethnology*, 9(4), 620-637 (in Russ.). DOI: 10.22378/he.2024-9-4.620-637; EDN: NMGOHK
- Hjarvard, S. (2008), “The mediatization of religion: a theory of the media as agents of religious change”, *Northern Lights: Film & Media Studies Yearbook*, 6(1), 9-26. DOI: 10.1386/nl.6.1.9_1.
- Kgatle, M. S. (2020), “Religious live-streaming in response to coronavirus disease 2019 pandemic and the subsequent lockdown in South Africa”, *Verbum et Ecclesia*, 41(1), Art. a2120. DOI: 10.4102/ve.v41i1.2120
- Luchenko, K. V. (2021), “The digitalization of worship practices during the coronavirus pandemic in the context of the mediatization of Orthodoxy”, *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 39(1), 39-57 (in Russ.). DOI: 10.22394/2073-7203-2021-39-1-39-57; EDN: PMXHUB
- Lövheim, M. and Hjarvard, S. (2019), “The Mediatized Conditions of Contemporary Religion: Critical Status and Future Directions”, *Journal of Religion, Media & Digital Culture*, 8(2), 206-225. DOI: 10.1163/21659214-00802002
- Mansour, N. (2022), “The Holy Light of Cyberspace: Spiritual Experience in a Virtual Church”, *Religions*, 13(2), 121. DOI: 10.3390/rel13020121
- Müller, J. and Friemel, T. N. (2024), “Dynamics of Digital Media Use in Religious Communities – A Theoretical Model”, *Religions*, 15(7), 762. DOI: 10.3390/rel15070762
- Nimyaev, E. A. (2022), “Digital religion study: A classification of religious online resources”, *Pushkin Leningrad State University Journal*, 3, 220-229 (in Russ.). DOI: 10.35231/18186653_2022_3_220
- O’Leary, S. D. (1996), “Cyberspace as Sacred Space: Communicating Religion on Computer Networks”, *Journal of the American Academy of Religion*, 64(4), 781-808. DOI: 10.1093/jaarel/LXIV.4.781
- Sbardelotto, M. (2016), “‘And the Word Became Network’: An Analysis of the Circulation of the ‘Catholic’ in Online Communicational Networks”, *Online – Heidelberg Journal of Religions on the Internet*, 11, 229-253. DOI: 10.17885/hejup.rel.2016.0.23633
- Selby, J. A. and Sayeed, R. (2023), “Religious Authorities in the Digital Age: The Case of Muslims in Canada”, *Contemporary Islam*, 17(3), 467-488. DOI: 10.1007/s11562-023-00536-7
- Tran, M. K. and Davies, A. (2023), “Revisiting Benjamin’s Aura in the Age of Mediatization: Virtual Religious Consumption in the (Post-)Pandemic Era”, *Journal of Marketing Management*, 39(17-18), 1765-1799. DOI: 10.1080/0267257X.2023.2289369
- Zaitsev, D. A. (2025), “Digital sacredness: philosophical analysis of the ontology of jihadist Telegram communities”, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 8(502), 62-67 (in Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-502-8-62-67

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Беляев Дмитрий Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020, Россия; профессор кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, корп. 10, г. Белгород, 308015, Россия; dm.a.belyaev@gmail.com

Гретченко Елена Игоревна, аспирант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, корп. 10, г. Белгород, 308015, Россия; 79102228977@ya.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Dmitry A. Belyaev, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Political Science and Theology, Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, 42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia; Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; dm.a.belyaev@gmail.com

Elena I. Gretchenko, PhD Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; 79102228977@ya.ru